

Александр Борщаговский:

Я, вообще-то, рецидивист

Вел. Москва — 2003 — 14 окт. — с 6

ПИСАТЕЛЮ, СЦЕНАРИСТУ, «БЕЗРОДНОМУ КОСМОПОЛИТУ»

И ВОООЩЕ ПОРЯДОЧНОМУ ЧЕЛОВЕКУ СЕГОДНЯ 90 ЛЕТ

— Александр Михайлович, у моей дочки ваш «Русский флаг» — одна из любимых книг. Она его несколько раз перечитывала. Насколько я знаю, у этой книги не вполне обычная судьба. Расскажите, пожалуйста, об обстоятельствах ее появления на свет.

— Мне бесконечно дорого то, что зашел разговор об этом романе. Ведь это была моя первая книга. Роман «Русский флаг» вышел в 1953 году.

— Ведь его даже в новые времена несколько раз переиздавали?

— Всего книга выходила семь раз, в новой России — дважды. Оба раза в начале 90-х. Одна — во Владивостоке, где «Русским флагом» начали новую серию. Другая, красивая, пестренькая книжка была издана людьми, у которых даже издательства своего не было. Я понимаю, что по уровню письма эта книга не представляла ничего особенного, но забыть о ней невозможно.

— Почему?

— Процесс ее прохождения наминал азартную игру. Книгу набирали в Ленинграде. Наберут — и сбросят, наберут — и сбросят, и так пять раз. Мне тогда казалось, если она осуществится, то и моя семья выживет. Ведь пять лет у меня не было никакой работы. И в доме соответственно не было ни гроша. А все началось в 1949 году, после знаменитой статьи в «Правде», которая называлась «Об одной антипатриотической группировке театральных критиков».

— В которой вас обозвали безродным космополитом?

— Нас таких было семь человек: я, Гурвич, Юзовский, Бояджиев, Холодов, Малюгин. Седьмой, талантливый театральный критик Яков Варшавский оказался предателем. Термин «безродные космополиты» избрали Суров и Софронов. А лично обо мне они писали: «разбойник пера», «бандит от критики» и «поносок литературы». И все это в

одной фразе. Тогда меня отлучили от «Нового мира», где я был членом редколлегии, и выгнали из Театра Советской Армии, где служил завлитом.

Я вообще-то рецидивист. Первый раз меня исключили из партии и гнали, как шелудивого пса, еще до войны, после того, как я, тогда еще киевлянин, посмел критиковать пьесу Корнейчука «В степях Украины», которая понравилась самому Сталину.

— После смерти Сталина, когда вышел «Русский флаг», у вас не было желания вернуться к театральной критике?

— Нет. Это было твердо решено на семейном совете. Хотя сразу стали приглашать и в театры и даже главным редактором «Мосфильма».

— И вы отказались?!

— Вот и Пырьев, который меня приглашал, тоже был совершен-

ных фильмов, нескольких известных, таких как «Третий тайм», «Дамский портной», и одного знаменитого — «Три тополя на Плющихе».

— Сценарная работа — это очень близко к литературе. К тому же каждый раз основной были повесть или рассказ. Я счастлив, что одну из своих последних работ в кино Иннокентий Смоктуновский сыграл в фильме «Дамский портной», снятому по моему сценарию.

— А расскажите, пожалуйста, про «Три тополя на Плющихе». Вы написали сценарий — и больше никак в создании фильма не участвовали?

— Это любопытная история. Рассказ был опубликован в газете «Неделя» за несколько дней до нашего отъезда в Коктебель. Никакого отдыха, конечно, не предполагалось, я там должен был усиленно работать.

недавно Рената Литвинова задумала снять римейк по «Трем топлям на Плющихе» и еще несколькими моим рассказам.

— А тогда — как развивались события после звонка из Москвы?

— Стремительно. До конца осени фильм был готов. Все было просто замечательно, хотя в какой-то момент все могло сорваться из-за того, что не могли найти актрису на главную женскую роль. Меня вызвали на студию имени Горького и сказали: мы вам покажем последний вариант, и если нет...

— То есть, говоря современным языком, вы участвовали в кастинге?

— Меня в него просто вовлекли. Передо мной разложили фотопробы. При этом присутствовал Радзинский.

— Вы были знакомы?

— Я Радзинского носил ребенком на руках, хорошо знал его отца, театрального критика и театроведа. Ну, так вот: показывают мне фотографию, на которой очаровательная девчушка в платочке, такая деревенская. Я только руками развел: все прекрасно, что вас смущает? Мне говорят: она не выговаривает половины букв русского алфавита. Ничего, говорю, озвучит другая. Тут они стали хохотать: выяснилось, что это фотография Дорониной.

— Не откроете тайну, кто еще пробовался?

— Руфина Нифонтова. Но потом поняли, что с таким трагическим лицом эту роль играть невозможно. Других претендентов даже не рисковали мне показывать. А на роль, которую в итоге сыграл Олег Ефремов, я очень хотел Николая Рыбникова. Замечательный актер, простецкий парень, его все любили, и я тоже.

— Достался ли вам кусочек той феноменальной славы, которая была у этого фильма?

— Славой никто особенно не делился.

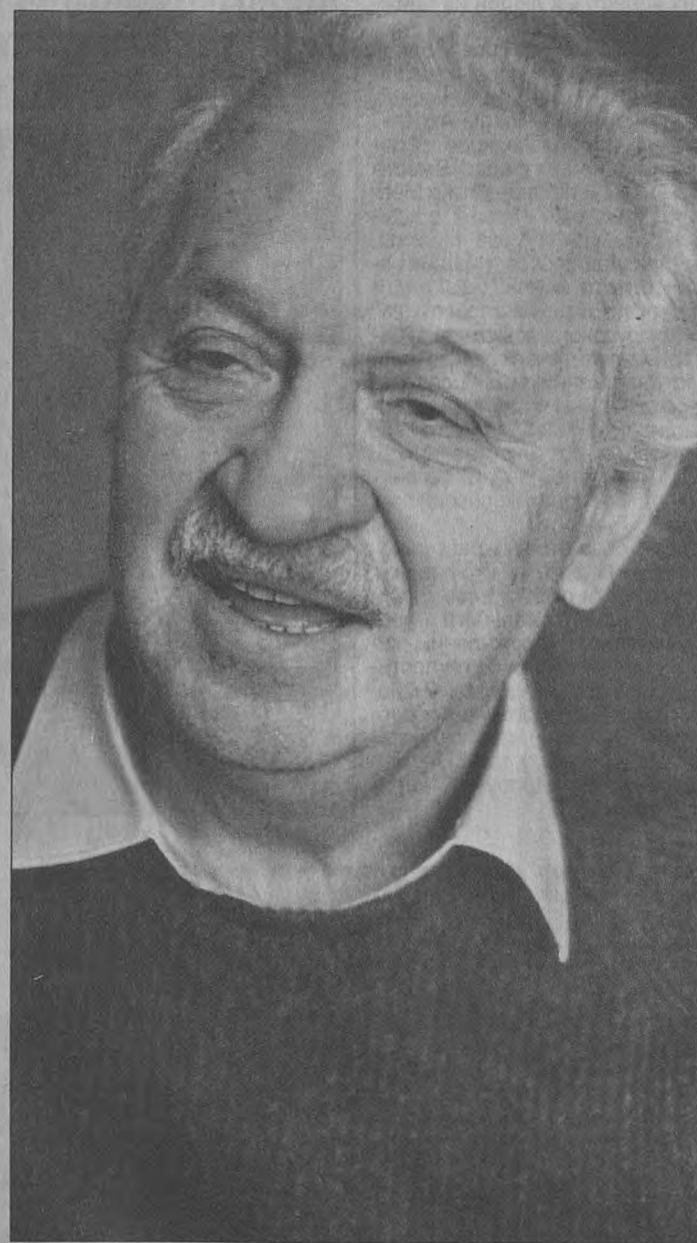

Александр Михайлович и Валентина Филипповна с дочерью Светланой Кармалитой на съемках фильма «Трудно быть богом» (режиссер — зять Алексей Герман, автор сценария — Светлана Кармалита)

но ошеломлен, как же я от такого отказываюсь. Но я был занят другим. Моим основным делом стала литература.

— Но вы все-таки не ушли от кино, стали сценаристом мно-

го. Не успели мы доехать до Коктебеля, как позвонили из Москвы. Среди прочитавших рассказ была Татьяна Михайловна Леонова. Она предложила мне написать сценарий. Кстати, совсем

— Но тем не менее вы стали знаменитым сценаристом. И что вы делали дальше?

— Писал. Как одержимый. Романы, повести, рассказы. Выпустил около 20 книг. Не писал ничего конъюнктурного.

— А к теме «безродных космополитов» возвращались? Сводили счеты с прошлым?

— К теме возвращался. В биографической книге «Записки баблоня судьбы», в романе-исследовании «Обвиняется кровь» — об убийстве Михоэлса, в последней книге — «Пустотелый монолит» — о нравах в нашей литературе, драматургии, театре 40-50-х годов... А счеты... нет, не

сводил. Когда заходили всякие споры о грехе и покаянии, то мне говорили: Саша, а ты разве чист? Да, я чист. То есть, конечно, массу глупостей наворотил, много разного наговорил, но нет ни одного человека, который пролил бы слезу только из-за того, что этого захотел Борщаговский. И все это время меня очень поддерживала моя Валентина Филипповна. Мы вот уже 57 лет вместе, но друг от друга не устали. Выжили, прошли через то, что прошли. И ни разу не захотелось плюнуть в глаза просвещенному человечеству!

Беседовала
Юлия РАХАЕВА